

Э. Кюрегян, С. Манукян

ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ ШКАЛЫ ТРАДИЦИОНАЛИЗМА НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЙ В БАКУ, ЕРЕВАНЕ И ТБИЛИСИ

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что авторы используют понятие "традиционность" в узком смысле слова для обозначения общества, в котором межличностные и групповые отношения характеризуются большей зависимостью личности от семьи; преобладанием строгих, в основном личностных механизмов социального контроля; приоритетом личностных, внутригрупповых и семейных связей, а также групповой солидарностью; доминированием ценностных и нормативных систем, обеспечивающих групповую солидарность.

Считается, что более традиционные общества близки к "восточному" цивилизационному типу, а менее традиционные — к "западному"¹. Мы не оцениваем высокий или низкий уровень традиционности как "положительный" или "отрицательный".

В настоящее время наблюдаются две противоположные тенденции. С одной стороны, "Запад" продолжает оказывать давление на "Восток" с целью его модернизации в соответствии с западной цивилизационной парадигмой. С другой стороны, набирает силу противостояние "глобальному Западу" "восточных" культурно-цивилизационных пространств, продвигающих идею многополярного мира, которая наряду с отрицанием универсальности западной цивилизационной парадигмы утверждает уникальность и самоценность других цивилизационных (Больших) пространств.

Сочетание этих глобальных тенденций в разных регионах и странах приводит к самым разнообразным последствиям, многие из которых имеют высокий конфликтный потенциал. В качестве примера можно привести маргинальные (буферные) регионы, находящиеся на стыках Больших цивилизационных пространств, в частности Южный Кавказ. Будучи маргинальным в цивилизационном (религиозном), геополитическом, геостратегическом и расово-этническом аспектах, он особенно конфликтен. Для разработки конструктивных стратегий в деле гармонизации отношений в этом регионе важно выяснить, к каким цивилизационным пространствам тяготеют южнокавказские общества, в каком цивилизационном направлении может быть их "свободное" движение при условии отсутствия внешних давлений, какие социальные последствия наиболее вероятны в случае принятия волевых геополитических решений? Частной задачей является попытка ответить на вопрос: способны ли южнокавказские общества самостоятельно "модернизироваться" и могут ли они быть бесконфликтно включены в единое Большое пространство?

КЮРЕГЯН Эдуард — кандидат философских наук, начальник департамента общественных наук и языка Государственного инженерного университета Армении.

МАНУКЯН Сергей — сотрудник департамента.

¹ Понятия "Восток" и "Запад" условны, в каждое из них входят значительно отличающиеся друг от друга культурные пространства и даже цивилизации. Иногда в понятие "Восток" включаются арабo-исламское, ирано-исламское, тюрко-исламское, индийское, китайское, юго-восточно-азиатское цивилизационные пространства.

Известно, что увеличение культурной дистанции между этническими группами, при сохранении прочих равных условий, способствует повышению этнической интолерантности [1]. Рассмотрим один из содержательных аспектов этнокультурных различий трех южнокавказских обществ (Азербайджана, Армении, Грузии), а именно — социальную дистанцию с точки зрения отношения к свободе индивидуального поведения членов общества или меру различий на шкале "традиционность — либеральность".

Данные исследования

Несколько слов об исследовании, данные которого использовались в настоящей статье. Оно проводилось в рамках программы "Data Initiative Program" Кавказских центров исследовательских ресурсов (КЦИР) в 2004 и 2005 гг. в Ереване, Тбилиси и Баку. Опрашивались лица 18 лет и старше: в Ереване — 1500, в Тбилиси — 1475, в Баку — 1489 человек. Тип выборки — случайная, стратифицированная, двухступенчатая кластерная. В результате была составлена выборка домохозяйств и определены конкретные респонденты посредством таблиц Киша, обеспечивающих половозрастную репрезентативность контингента опрошенных.

Для сравнения обществ был построен индекс традиционности. При этом использовались ответы на следующие вопросы:

"С какого возраста, по Вашему мнению, для женщин/мужчин дозвоительно:

1. Употреблять крепкие напитки (водку, коньяк и т.п.)?
2. Употреблять вино, шампанское?
3. Употреблять слабоалкогольные напитки (пиво и т.п.)?
4. Курить?
5. Употреблять слабые наркотики?
6. Жить отдельно от родителей до замужества/женитьбы?
7. Иметь добрачные половые связи?
8. Жить с представителем противоположного пола без регистрации брака?
9. Жениться/выйти замуж без разрешения родителей?
10. Жениться/выходить замуж?
11. Иметь детей?"

Как видно, вопросы касаются установочных и поведенческих элементов семейной жизни, отношений между поколениями и между полами, а также взглядов на потребление алкогольных напитков, слабых наркотиков и курение, что в традиционном обществе либо ограничивается возрастом, либо вообще запрещается.

Теоретически благодаря ответам на приведенные выше вопросы можно описать традиционность общества двумя интегральными характеристиками (третий является их линейной комбинацией). Это индекс традиционности в отношении поведения мужчин (ИТМ) и индекс традиционности в отношении поведения женщины (ИТЖ).

Рассмотрим распределение поведенческих элементов. В таблице 1 приведены доли респондентов по столицам, считавших принципиально недопустимым тот или иной поведенческий элемент для мужчин и женщин.

Для наглядности на рисунках 1 и 2 приведены соответствующие профили для мужчин и женщин.

² База данных доступна на интернет-сайте: <http://www.crrc.am>

Таблица 1.

Уровни принципиальной недозволительности поведенческих элементов в южнокавказских столицах, %

Поведенческий элемент	Мужчины			Женщины		
	Ереван	Баку	Тбилиси	Ереван	Баку	Тбилиси
2. Употреблять вино, шампанское	8,1	18,1	3,8	13,7	61,2	17,2
3. Употреблять слабоалкогольные напитки	8,5	14,0	3,9	14,2	63,7	13,5
1. Употреблять крепкие напитки	15,7	27,7	12,2	37,8	89,6	39,6
9. Жениться/выходить замуж без разрешения родителей	43,5	59,6	21,0	47,5	72,8	23,1
7. Иметь половые связи до замужества/женитьбы	51,0	68,2	35,1	78,6	95,4	66,8
6. Жить отдельно от родителей до замужества/женитьбы	65,2	56,1	38,6	73,4	85,2	45,7
8. Жить с представителем противоположного пола без регистрации брака	56,9	79,9	49,6	67,2	92,5	62,0
4. Курить	58,0	50,2	56,4	89,5	96,3	80,7
5. Употреблять слабые наркотики	99,1	98,3	93,5	99,6	99,7	96,0

Рисунок 1.

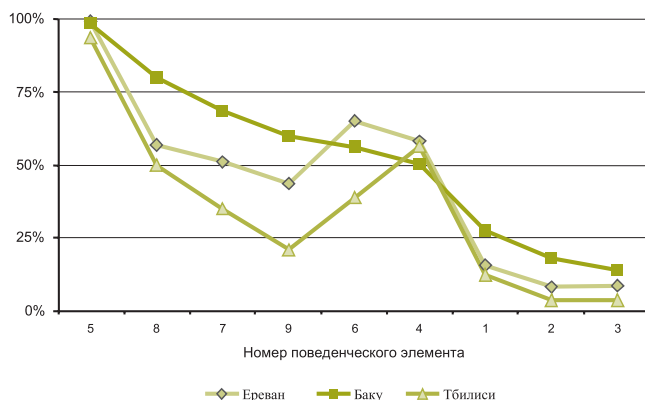
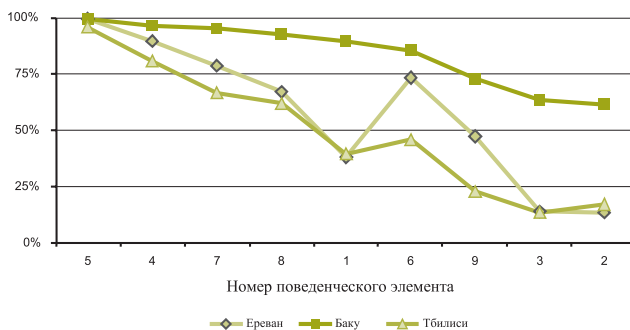
Уровни принципиальной недозволительности поведенческих элементов для мужчин
(номер поведенческого элемента на оси абсцисс диаграммы соответствует номерам в табл. 1)

Рисунок 2.

Уровни принципиальной недозволительности поведенческих элементов для женщин
(номер поведенческого элемента на оси абсцисс диаграммы соответствует номерам в табл. 1)

Судя по рисунку 1, для мужчин во всех трех столицах практически полностью недопустимым является употребление слабых наркотиков. Другой элемент, по которому столицы мало отличаются друг от друга, — курение (50–58%). Наибольшие различия по столицам применительно к поведению мужчин наблюдается в отношениях к добрачным половым связям и женитьбе без разрешения родителей. Наиболее либеральны респонденты из Тбилиси, затем Еревана, а наиболее традиционны в своих установках жители Баку. Рисунок 2 свидетельствует, что общество Баку наиболее традиционно, по сравнению с другими столицами, во взглядах, касающихся всех элементов женского поведения, а ереванцы значительно традиционнее тбилисцев по таким элементам поведения женщин, как "выйти замуж без разрешения родителей" и "жить отдельно от родителей до замужества".

Индекс традиционности (ИТ) респондента определялся нами как сумма элементов социального поведения, которые он посчитал принципиально недопустимыми.

В таблице 2 приведены распределения индексов традиционности по отношению мужского и женского поведения в столицах.

На рисунке 3 приведены распределения индекса традиционности применительно к мужскому поведению, а на рисунке 4 — к женскому.

И таблица 2, и рисунки 3 и 4 подтверждают сделанный ранее вывод: общество Тбилиси наиболее либерально, а Баку наиболее традиционно. Кроме того, в Баку население практически полностью придерживается традиционных взглядов на поведение женщин и в то же время относится к свободе мужского поведения двояко: одна часть допускает многие элементы социального поведения, другая, напротив, считает их неприемлемыми. Что касается Тбилиси и Еревана, то в этих городах общественное мнение о свободе поведения женщины довольно размытое.

Оценим теперь социальные дистанции между населением трех столиц посредством ИТ. Использовалось понятие дистанции между двумя функциями плотности распределения ИТ, которое определяется формулой:

$$D(f, g) = \frac{1}{\sqrt{2}} \sqrt{\sum_{i=0}^9 (f_i - g_i)^2} \quad (1),$$

где,

f_i и g_i — значения i -х дискретов сравниваемых распределений;

$D(f, g)$ — дистанция между распределениями f и g .

Таблица 2.

Распределения индексов традиционности, %

Значение индекса	Индекс традиционности применительно к мужскому поведению			Индекс традиционности применительно к женскому поведению		
	Ереван	Баку	Тбилиси	Ереван	Баку	Тбилиси
0	0,7	1,9	5,4	0,3	0,9	4,0
1	12,3	10,9	17,1	4,4	1,1	6,3
2	18,7	9,1	24,7	10,5	2,0	13,8
3	18,6	12,2	16,5	10,9	1,9	12,5
4	16,1	12,9	15,7	15,9	3,4	14,6
5	16,9	19,7	12,0	17,9	5,7	21,4
6	10,3	15,7	6,2	21,7	10,9	13,7
7	3,0	5,7	1,5	9,5	17,3	6,1
8	1,2	3,4	0,5	3,3	13,3	4,3
9	2,2	8,4	0,5	5,5	43,5	3,3

Рисунок 3.

Распределение индекса традиционности применительно к мужскому поведению, %

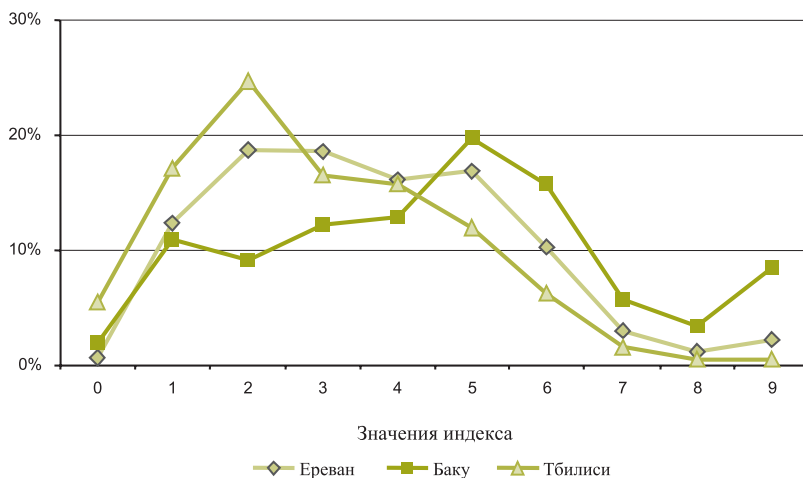

Рисунок 4.

Распределение индекса традиционности применительно к женскому поведению, %

В таблице 3 дана матрица дистанций между распределениями рассмотренных шести ИТ. Ясно, что это треугольная матрица.

В левой верхней части таблицы приведены дистанции между ИТМ столиц, в правой нижней части — между ИТЖ. На главной диагонали левой нижней части таблицы находятся дистанции между ИТМ и ИТЖ данной столицы, а в остальных клетках той же части таблицы — дистанции между ИТМ и ИТЖ разных столиц.

Наиболее важным следствием анализа матрицы является очень большая дистанция между ИТЖ Баку, с одной стороны, и Еревана и Тбилиси — с другой. Ина-

Таблица 3.

Социальные дистанции обществ южнокавказских столиц по ИТ

	Ереван-ИТМ	Баку-ИТМ	Тбилиси-ИТМ	Ереван-ИТЖ	Баку-ИТЖ	Тбилиси-ИТЖ
Ереван-ИТМ	0,0					
Баку-ИТМ	10,8	0,0				
Тбилиси-ИТМ	8,1	16,7	0,0			
Ереван-ИТЖ	13,7	7,7	19,9	0,0		
Баку-ИТЖ	38,9	31,8	41,7	33,1	0,0	
Тбилиси-ИТЖ	9,1	6,5	14,8	7,9	35,3	0,0

че говоря, главное отличие между жителями Еревана, Тбилиси и Баку состоит в их отношении к свободе поведения женщин.

Важные выводы вытекают из интерпретации левой нижней части таблицы. Качественное сравнение дистанций дает основание предположить следующее. Если допустить, что в некотором "интегральном" обществе совместно проживает одинаковое количество мужчин и женщин из Еревана, Тбилиси и Баку, то бакинские женщины окажутся среди тех, кому дозволено гораздо меньше, чем остальным. Подобная ситуация конфликтотенна. Как свидетельствует исторический опыт в многонациональных обществах (в СНГ и в европейских странах, особенно со значительной долей исламского населения), поводом для возникновения (или даже разжигания) конфликта нередко являются поползновения "чужих" мужчин к "своим" женщинам. В данном случае, когда свобода женщины ограничена весьма основательно, как поползновения могут расцениваться любые, самые невинные, с точки зрения "либералов", поступки.

Проанализируем тенденции изменения ИТ в южнокавказских обществах. Попробуем ответить на следующие вопросы:

- Куда двигаются эти общества — в сторону либерализации или традиционности?
- С какой скоростью протекают эти процессы?
- Увеличиваются или уменьшаются дистанции между южнокавказскими обществами на шкале традиционности?

Наиболее правдоподобными нам представляются такие гипотезы:

- Со временем общества движутся в сторону либерализации.
- Рост благосостояния ведет к либерализации нравов.
- Рост образовательного уровня ведет к либерализации нравов.

Для тестирования гипотез построены линейные регрессионные модели ИТМ и ИТЖ для столиц в зависимости от пола, возраста, образования и благосостояния респондентов (рис. 5 и 6).

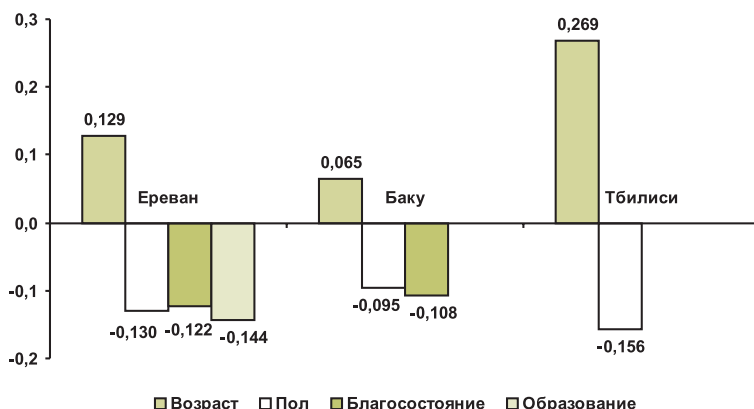
Предварительный анализ показывает, что:

- во всех моделях, в которых статистически значимо присутствует параметр "возраст", его рост ассоциирован со снижением традиционности (или положительно ассоциирован с либерализмом);
- во всех моделях, в которых присутствует параметр "пол", женщины более традиционны, чем мужчины. Они хранительницы традиционности;
- во всех моделях, в которых присутствует параметр "образование", его рост ассоциирован с ростом либеральности;
- во всех моделях, в которых присутствует параметр "благосостояние", его рост ассоциирован с ростом либеральности.

Таким образом, можно утверждать, что индексы традиционности имеют внешнюю валидность.

Рисунок 5.

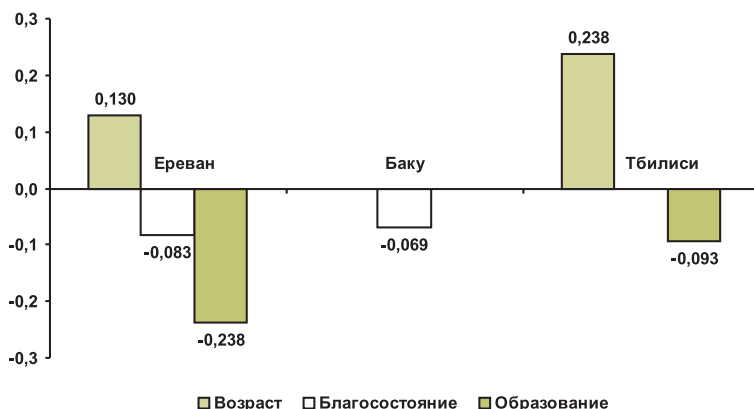
Модели динамики индекса традиционности в отношении поведения мужчины (ИТМ) в столицах

Ереван — $R^2_{Adj} = 0,092$. Баку — $R^2_{Adj} = 0,026$. Тбилиси — $R^2_{Adj} = 0,098$.

Рисунок 6.

Модели динамики индекса традиционности в отношении поведения женщины (ИТЖ) в столицах

Ереван — $R^2_{Adj} = 0,105$. Баку — $R^2_{Adj} = 0,005$. Тбилиси — $R^2_{Adj} = 0,068$.

Исходя из внешней валидности ИТ, можно перейти к более содержательному анализу построенных регрессий и выявлению особенностей динамики развития обществ южнокавказских столиц.

Во-первых, в Ереване и Тбилиси все основные стратификационные параметры — пол, возраст, образование и благосостояние — имеют гораздо большую объяснительную силу, чем в Баку, хотя в столице Азербайджана эти модели статистически значимы. В Тбилиси и Ереване модели объясняют 7–10% общей дисперсии ИТ, а в Баку модель для ИТМ — 2,6%, а для ИТЖ — всего 0,5% (тем не менее эта модель статистически значима — значимость F критерия равна 0,008).

Следовательно, необходимо искать другие, более существенные факторы, объясняющие динамику индекса традиционности.

Во-вторых, наиболее существенным фактором, объясняющим динамику индекса традиционности, является **возраст**. Этот параметр присутствует в пяти из шести построенных моделей. Он как бы фокусирует фактор времени в одной временной точке (время сбора информации), и в ней проявляет свои характеристики, "развернутые" в разных поколениях. Поэтому при оценке интенсивности процесса либерализации общества "возраст" можно рассматривать как замещающий параметр (*проху*) времени³.

Важный результат анализа шести регрессий состоит в том, что "фактор времени" присутствует в Тбилиси и Ереване и отсутствует в Баку⁴.

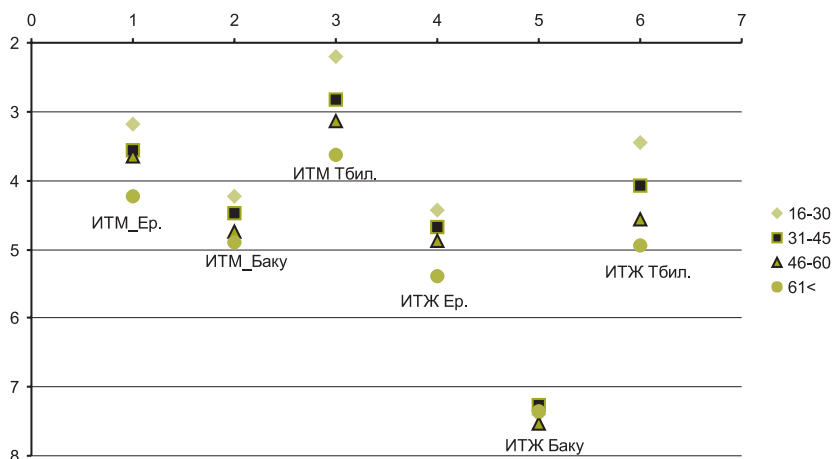
В целом же Южный Кавказ находится в такой временной фазе, когда при прочих равных условиях социокультурная дистанция между населением Тбилиси и Еревана, с одной стороны, и Баку — с другой, на шкале "традиционность — либеральность" растет. Учитывая, что Ереван и Тбилиси христианские территории, а Баку — исламская, можно утверждать, что социокультурная дистанция на самом деле является **цивилизационной**.

Выявленная тенденция отражена на рисунке 7, где показаны средние значения ИТМ и ИТЖ в столицах для разных возрастных групп.

Из рисунка видно, что в Баку ИТ "прижаты" к друг другу. Кроме того, здесь либеральность для мужчин (ИТМ) в возрасте 16–30 лет находится на том же уровне, что и для мужчин, которым больше 60 лет, в Ереване. Образно выражаясь, либеральность в Баку отстает от Еревана почти на **полвека**. А с точки зрения ИТЖ Тбилиси

Рисунок 7.

Средние значения индексов традиционности в возрастных группах

³ Тем не менее время не является универсальным фактором, обуславливающим либерализацию нравов. Известны периоды, когда имеет место обратная тенденция. Как правило это происходит после религиозных революций, например Иранской исламской революции 1979 г.

⁴ В Баку его влияние обнаружено, однако оно статистически не значимо, что можно интерпретировать следующим образом: в Баку количество представителей субкультур, склонных к либеральному поведению или к либерализации поведения, незначительно.

и Ереван, с одной стороны, и Баку — с другой, живут в "**разных эпохах**"⁵. В Баку индекс традиционности по отношению поведения женщины не меняется во времени.

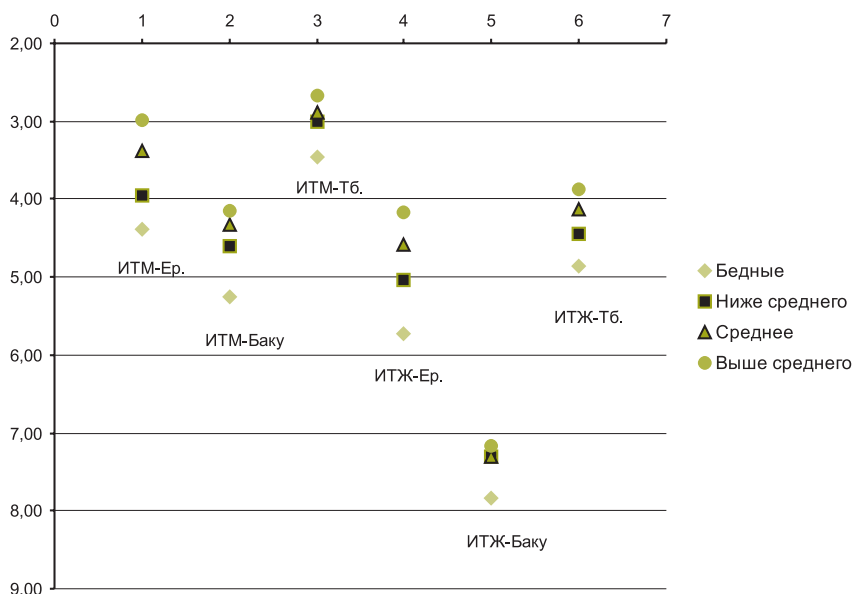
В-третьих, параметр **благосостояние** влияет на ИТ в четырех из шести моделей. Этот параметр присутствует в Ереване и Баку и отсутствует в Тбилиси. Иными словами, либерализация нравов в Тбилиси качественно отличается не только от Баку, но и от Еревана. Традиционная парадигма поведения (не считая молодежь) изменяется сначала в более состоятельных слоях (реализация свободы требует денег) и только со временем охватывает менее состоятельные группы населения. На рисунке 8 показаны средние значения ИТ в разных группах благосостояния.

Из рисунка видно, что в Тбилиси традиционность присуща представителям наиболее бедных слоев, а ИТ остальных групп довольно сжаты. Такая конфигурация не позволила параметру "благосостояние" в линейной регрессионной модели проявиться статистически значимо.

В-четвертых, влияние параметра **пол** проявляется в том, что женщины более строги в своем отношении к мужскому поведению во всех столицах (рис. 9), причем это отличие значимо. Что касается ИТЖ, то мужчины строже относятся к женскому поведению, чем женщины, только в Баку (однако этот результат статистически не значим).

Рисунок 8.

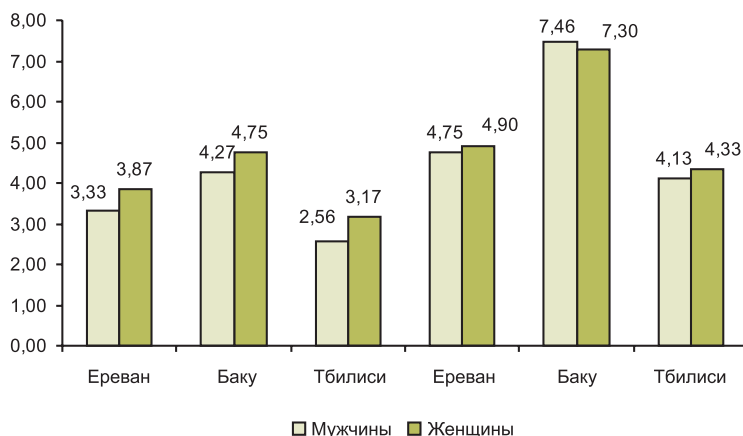
Средние значения индексов традиционности в разных группах благосостояния

⁵ "Разные эпохи" взяты в кавычки, поскольку более адекватное объяснение данного факта состоит в том, что столицы Армении и Грузии и столица Азербайджана находятся в различных цивилизационных пространствах. А регрессионные модели спроецировали цивилизационные измерения на временную ось. Однако даже если цивилизационные различия были бы постулированы априори, регрессии показали бы, приближается ли общество Баку к европейским ценностным системам, оставаясь в иной цивилизационной парадигме.

Рисунок 9.

Средние значения ИТ в зависимости от пола респондента

В-пятых, еще одна интересная особенность процесса либерализации нравов обнаруживается при анализе регрессионных коэффициентов всех шести моделей, объясняющих динамику ИТ (табл. 4).

В таблице представлены стандартизированные коэффициенты шести моделей ИТ. Константы взяты из соответствующих моделей с нестандартизированными коэффициентами. Они условно представляют положение соответствующего ИТ на шкале "традиционность — либеральность". Чем больше константа, тем выше традиционность. Напомним, что ИТ принимает значения в диапазоне 0—9.

Из сопоставления коэффициентов следует, что чем более либерализовано общество, тем сильнее влияние параметра **возраст**, т.е. времени. Иначе говоря, интенсивность либерализации нравов ускоряется. Однако ускорение (или при более широком взгляде на рассматриваемую проблему — тенденция либерализации) не может быть бесконечным [2]. Таким образом, общество в Тбилиси стремительно приближается к той фазе своего жизненного цикла, когда данная тенденция достигает своего предела, где с большой вероятностью возможны качественные изменения. Какие факторы станут при этом наиболее значимыми? На наш взгляд, речь может идти о следующих внешних и внутренних факторах:

1. Противоречия между либеральной (в нравах и, что не менее важно, в экономических отношениях) столицей (мегаполисом) и беднеющей и традиционной провинцией.

Таблица 4.

Сводная таблица моделей ИТМ и ИТЖ в южнокавказских столицах

	ИТМ					ИТЖ				
	Возраст	Пол	Образование	Благосостояние	Константа	Возраст	Пол	Образование	Благосостояние	Константа
Тбилиси	0,269	-0,156	—	—	1,861	0,238	—	-0,093	—	3,711
Ереван	0,129	-0,130	-0,144	-0,122	4,921	0,130	—	-0,238	-0,083	6,426
Баку	0,065	-0,090	—	-0,108	5,068	—	—	—	-0,069	7,793

Приведены стандартизированные коэффициенты.

Константы взяты из моделей с нестандартизированными коэффициентами.

2. Противоречия между представителями либеральных и националистических субкультур в самом мегаполисе.
3. Противоречия между коренным грузинским населением и значительным исламским (азербайджанским) меньшинством, проживающим компактно в южных регионах Грузии и в самом Тбилиси.

Влияние этих дестабилизирующих факторов может неконтролируемо усиливаться из-за сложного геополитического контекста, в котором находится весь Южный Кавказ, и в частности Грузия.

Интересная закономерность наблюдается для параметров **образование и благосостояние**. При низких значениях либеральности (Баку) их влияние обозначено слабо, с усилением либеральности оно увеличивается (Ереван) и с некоторого значения начинает снижаться (Тбилиси). Следует отметить, что процесс либерализации нравов происходит в условиях "консенсуса" по отношению к свободе поведения женщин (отношения мужчин и женщин к уровню свободы женского поведения мало отличаются друг от друга).

В исследовательской базе данных имеются параметры, идентифицирующие национальную и религиозную принадлежность респондента, а также параметр, который характеризует религиозное поведение — интенсивность участия (посещения) религиозных служб. Если предположить, что индекс традиционности обусловлен религиозным сознанием и/или поведением, то можно было бы ожидать, что интенсивность посещения религиозных служб должна влиять на уровень индекса традиционности.

Однако, как показал детальный анализ, индекс традиционности не обусловлен интенсивностью участия респондентов в религиозных службах.

Это видно, в частности, из данных таблицы 5, где приведены средние значения ИТЖ для двух групп респондентов в Баку: тех, кто причислил себя к последователям ислама, но никогда не посещает религиозные службы, и тех, кто каждый день посещает религиозные службы⁶.

В Ереване и Тбилиси регрессионные модели также не выявили влияния интенсивности участия в религиозных службах на ИТ.

Таким образом, в южнокавказских обществах религиозная принадлежность является элементом национальной самоидентификации и слабо ассоциирована с наличием реального религиозного сознания. Этот факт хорошо согласуется и с данными качественных исследований. В частности, Ф.Сафизаде отмечает, что в Азербайджане для молодежи и лиц среднего возраста ислам превратился в "народную традицию" или в "светский" ислам. Они называют себя мусульманами и одновременно заявляют, что не верят в Бога [3].

Таблица 5.

Влияние интенсивности участия в религиозных службах на ИТЖ для респондентов в Баку, причислявших себя к последователям ислама

Интенсивность участия в религиозных службах	Среднее значение ИТЖ	Количество респондентов	Стандартное отклонение
Каждый день	7,9189	148	1,82019
Никогда	7,4710	620	1,87168

⁶ Религиозная практика ислама — дин — очень строга. Она включает пять обязательных установлений: признание и декларирование шахады — "Нет Бога кроме Аллаха и Мохаммед Пророк Его", ежедневная пятикратная молитва, ежемесячный пост, выплата благотворительного налога и пономничество в Мекку. Те, кто причисляет себя к последователям ислама и ежедневно посещает религиозные службы, с очень большой вероятностью могут быть причислены к индивидам, имеющим религиозное сознание. Следовательно, использование этого индикатора в качестве проху наличия религиозного сознания обосновано.

Индекс традиционности и этническая принадлежность

На рисунке 10 приведена линейная регрессионная модель, показывающая, как изменяется ИТЖ под влиянием параметров этнорелигиозной принадлежности и основных стратификационных параметров (пол, возраст, образование, благосостояние). Модель построена для всей выборки, включающей респондентов из Еревана, Тбилиси и Баку. Этнорелигиозная принадлежность представлена двумя бинарными переменными: "Армяне, причислившие себя к Армянской апостольской церкви" и "Грузины, причислившие себя к православной церкви". Переменная "Азербайджанцы, посчитавшие себя мусульманами" является базой для сравнения.

Объяснительная сила модели достигла 39,2% общей дисперсии ИТЖ (по всей выборке). Следует отметить, что параметр этнорелигиозной принадлежности объяснял 35,6% общей дисперсии ИТЖ, а добавление всех основных стратификационных параметров увеличил этот показатель на 3,6%.

Очень большая объяснительная сила модели указывает на то, что индекс традиционности применительно к свободе поведения женщины является интегральным показателем этнокультурных различий между обществами. Он определяет независимое измерение (математически — ось в формализованном многомерном этнокультурном пространстве) для идентификации различных обществ.

Исходя из модели, можно предположить, что в южнокавказских столицах религиозный фактор интегрирован в этнокультурные и этнопсихологические комплексы и не имеет самостоятельного значения для объяснения социальной динамики.

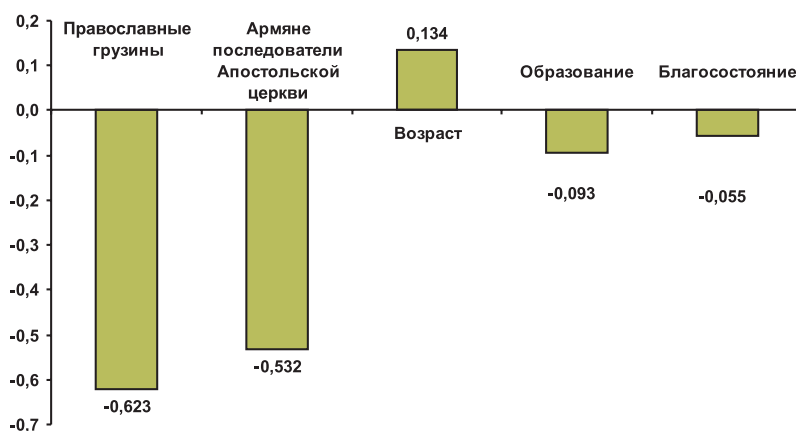
Кроме того, с точки зрения социальной динамики населения южнокавказских столиц этнокультурный фактор, который абсорбировал в себя религиозно-культурный фактор, на порядок (более чем в 10 раз) мощнее, чем все основные стратификационные факторы — возраст, образование и благосостояние.

Сказанное приводит к следующим выводам:

1. В рассматриваемом регионе для разрешения этнокультурных конфликтов использование "стандартных" стратегий и социальных технологий, основанных на решении социально-экономических задач, не может быть эффективным.
2. В южнокавказских обществах религиозный фактор не оказывает непосредственного влияния на этнические конфликты. Такие конфликты обусловлены системами этнической идентичности, компонентой которого является бытовой ислам.

Рисунок 10.

Модель ИТЖ для южнокавказских столиц

В заключение еще раз обратим внимание на наиболее интересные, с нашей точки зрения, результаты исследования.

Итак, население столиц трех государствообразующих наций Южного Кавказа приближаются к своим "исконным" цивилизационным пространствам — грузинское и армянское — к христианскому, а азербайджанское к исламскому пространству. Цивилизационные дистанции между этими обществами увеличиваются. Скорость либерализации в тбилисском обществе гораздо выше, чем в ереванском.

Либерализация поведения в бакинском обществе происходит только применительно к мужскому поведению, отношение к свободе поведения женщин остается на традиционном уровне и основано на множестве запретов. Данное обстоятельство усиливает как внутреннее напряжение в чисто азербайджанском обществе, так и вероятность конфликтов при включении такой социальной системы в более либеральную полиэтническую и поликультурную общность.

В Тбилиси либерализация нравов настолько продвинута, что может войти в противоречие с установками более традиционно настроенных слоев населения в регионах, националистически настроенной молодежи, а также с исламским меньшинством, проживающим в Грузии.

В постсоветском Южном Кавказе религиозное сознание не имеет непосредственного влияния на уровень традиционности общества. Сейчас традиционность превратилась в самостоятельный этнокультурный элемент и не изменяется при наличии или отсутствии религиозного сознания.

Устойчивость этнокультурных различий обществ на порядок мощнее модифицирующих способностей социально-экономических факторов, и следовательно, даже при интенсивных социально-экономических изменениях понадобится настолько же больше времени для преодоления этнокультурной инерции.

Разнонаправленность цивилизационных трендов усложняет разрешение межнациональных конфликтов, в которых участвуют национальности, этнокультурно принадлежащие к разным цивилизационным пространствам. В нынешний период увеличение социальной дистанции между этими обществами на шкале "либеральность — традиционность", особенно дистанции по отношению к степени свободы мужского и женского поведения, влечет за собой все возрастающее напряжение в социальном поле и увеличивает вероятность эскалации межнациональных конфликтов в ситуации совместного проживания этих национальностей.

Как это ни прискорбно, но снизить вероятность подобных межнациональных конфликтов можно, на наш взгляд, посредством "геттоизации" этнических групп и авторитарного правления третьей имперской силы.

Альтернативой является физическое разграничение национальностей в обособленных административно-государственных территориях **на неопределенно долгое время**, за которое они постепенно овладеют нормами и ценностями гражданского общества, **установят** принцип равенства граждан **в своем же национальном обществе** и глубоко осознают важность кооперации с другими национальностями. После этого, возможно, настанет период "сближения" и сложатся перспективы эффективного сотрудничества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. М., 1993.
2. Сорокин П.А. Социальная мобильность. М., 2005.
3. Safizadeh F. On Dilemmas of Identity in the Post-Soviet Republic of Azerbaijan, Caucasian Regional Studies. 1994. № 3, № 1.

Report of results of cross-cultural studies in three republics on social, family and religious traditions, their typology.